

«Чикагцам была важна сцепка абстракции с реальностью»: интервью с Владимиром Николаевым

Владимир Николаев
Наталья Волкова

Наталья Волкова: Расскажите, пожалуйста, как чикагцы вошли в вашу интеллектуальную биографию, с чего это началось?

Владимир Николаев: Мое знакомство с чикагцами произошло просто и неожиданно. Когда я был аспирантом, в 1994 году я начал вести семинарские занятия с Никитой Евгеньевичем Покровским, который читал лекционный курс по истории социологии в МГУ. Я ходил на его лекции, и впервые в его лекционном курсе в МГУ появилась Чикагская школа. До этого я никогда о ней не слышал и ничего о ней не знал. И меня услышанное сразу впечатлило. Во-первых, отличием от всего остального. Во-вторых, темой пространственности: территории, территориальной заземленности социальных групп, социальных процессов, институтов. Уже после лекций я подошел к Покровскому и спросил: «Где и что можно почитать?» Он сказал: «Посмотрите книгу Светланы Петровны Баньковской». Я пошел сразу в библиотеку искать книгу «Инвайронментальная социология» [Баньковская, 1991]. Но и там о Чикагской школе социологии тоже было не очень много.

Тогда я начал самостоятельный поиск литературы (я достаточно интенсивно в это время работал в библиотеке ИНИОНа), искал по каталогам, проверял по имеющимся библиографиям. Довольно много чего нашлось. Я начал читать Роберта Парка, чьи тексты меня еще больше захватили. Дальше, когда я работал в МГУ, на кафедре было принято решение сделать учебник по истории социологии, и мне поручили

Николаев Владимир Геннадьевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); старший научный сотрудник, отдел социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: vnik1968@yandex.ru

Волкова Наталья Алексеевна, приглашенный исследователь, Университет Нархоз; Алматы, Казахстан.
E-mail: chestrek@gmail.com

Беседа с социологом и переводчиком текстов Чикагской школы социологии В.Г. Николаевым посвящена рецепции этой традиции в постсоветском дискурсе 1990-х годов и основным этапам ее развития. В центре внимания – методология школы, укорененная в полевой работе и непосредственном взаимодействии с социальной реальностью. Николаев демонстрирует прагматистские истоки традиции, где теоретические конструкты требуют обязательной эмпирической верификации.

Сквозь призму прагматизма раскрывается специфика исследовательского подхода «чикагцев»: статистика и количественные метрики здесь носят инструментальный характер и не являются самоцелью. Методы служат выявлению и оперативной – «стенографической» – фиксации наблюдений для последующего анализа. Прагматическая установка определяет и стратегии перевода: поскольку язык задает исследовательскую оптику, перевод должен быть конгруэнтен не только оригиналу, но и той реальности, в которой он разворачивается.

Обсуждение подводит к вопросу о применимости «чикагского подхода» в иных контекстах, в частности российском. Чикагская школа предстает инструментом реформ, основанных на изучении конкретных кейсов: от танцевальных залов и молодежных банд до миграции и суицидов. Вход в такие сложные поля требует вовлечения личного опыта. В этой парадигме неизбежна субъективность взгляда не снижает качество данных, а создает пространство для эксперимента, превращая биографический ресурс социолога в инструмент познания.

Ключевые слова: Чикагская школа социологии; прагматизм; Герберт Блумер; Роберт Парк; человеческая экология

подготовить главу по Чикагской школе. Я вернулся в библиотеку ИНИОНа и стал читать все, что там было из текстов чикагцев. И чем больше читал, тем больше приходил в восхищение, в изумление: почему об этой школе, об этих исследованиях не слышно на каждом углу?

По контрасту с той социологией, которая была тогда стандартной, мне казалось, что тексты чикагцев более живые, более интересные, захватывающие и лучше цепляющие социальную жизнь, как она есть. Я увидел в них колоссальное разнообразие: очень разные темы, исследования, огромное множество идей, и каждая сама по себе имеет большой потенциал и может зажечь.

С этого началось. Возникла необходимость на русском языке опубликовать часть текстов. Не было переведено ничего, кроме небольшой книжечки, которую подготовил Никита Евгеньевич Покровский со студентами, – «Рабочие тетради по истории социологии» [Рабочие тетради по истории и теории социологии, 1992]. Она была очень маленькая, с двумя разделами: один был посвящен Джорджу Герберту Миду, другой – Роберту Парку. В ней были две переведенные студентами статьи Роберта Парка – «Человеческая экология» и «Город как социальная лаборатория». Больше ничего не было. Этого было, конечно, крайне мало. В 1996–1997 годах в ИНИОНе, с которым я всегда тесно сотрудничал все эти годы, я предложил свои первые переводы нескольких работ Джорджа Герберта Мида и Роберта Парка в реферативный журнал «Социология» [Парк, 1997; Николаев, 1998]. И дальше стал переводить чикагцев уже регулярно.

НВ: Я помню вашу книжку рубежа 1990–2000-х годов, про очереди [Николаев, 2000]. Насколько этот сюжет и методология были навеяны чикагцами?

ВН: Книжка про очередь отчасти была пропитана интересом к чикагской социологии. В ней я уже видел образец того, как делать живую социологию, которая ухватывает реальность за жабры. Чикагцы были важным ориентиром, но не единственным. Другой мотив был подсказан не только чикагцами, но и переводом «Воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона [Андерсон, 2001], где вскользь была затронута тема из ранних марксистов, с которой я тоже до этого не сталкивался. Это идея Отто Бауэра о значимости не только производства, но и распределения. И я увидел очередь как одно из ключевых звеньев в системе распределения, которое нуждалось в описании с точки зрения его места в советском обществе. В книге была живая этнография с включенным наблюдением, отчасти в духе Чикагской школы, – собственный опыт пребывания в очередях был чрезвычайно важен. Так как все забывается довольно быстро, я попытался законсервировать живой опыт жизни в очередях, который на тот момент был, используя разные средства, в том числе чикагскую оптику, чикагский подход к социологическому исследованию.

НВ: Вы сказали «чикагскую оптику». Насколько можно говорить, что у чикагцев была именно своя «оптика» и свой метод? Как их лучше описать?

ВН: Если ты работаешь с разными традициями и имеешь возможность их сопоставить, то чикагские тексты абсолютно узнаваемы. Можно не знать, что это за текст перед тобой, но по определенным признакам считывается либо его принадлежность к этой традиции, либо близость к этой традиции.

Например, «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920) Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого [Томас и Знанецкий, 1998; Thomas & Znaniecki, 1927] – это чередование высокоабстрактных теоретических кусков с очень конкретными эмпирическими материалами: многочисленными вставками из жизненных историй, из интервью. Особенно это визуально заметно в англосаксонской традиции полиграфии, где цитаты и вставки с эмпирическими материалами выделяются отдельными блоками, набраны более мелким шрифтом и чередуются

Цитирование: Николаев, В., & Волкова, Н. (2025). «“Чикагцам” была важна сцепка абстракции с реальностью»: интервью с Владимиром Николаевым. *Городские исследования и практики*, 10(4), 6–17. <https://doi.org/10.17323/usp10420256-17>

с основным текстом общего характера. Конечно, все тексты в этой полиграфической традиции так и печатаются, но и с содержательной точки зрения такая организация материала дает довольно убедительную, объемную, глубокую картину. И это специфично для текстов качественной, прагматистской чикагской традиции.

Чикагская школа завязана на прагматизме.

А в прагматизме важно сцепление абстракции с эмпирической реальностью. Это сцепление осуществляется не индуктивно, не дедуктивно, а посредством абдукции, когда теоретические интерпретации и эмпирические примеры постоянно друг к другу подгоняются для того, чтобы образовать связную и в то же время плотно эмпирически фундированную картину. Подобное челночное хождение «туда-сюда» между абстрактными обобщениями и очень конкретными описаниями лежит в сердцевине чикагской социологической работы.

НВ: Я познакомилась с Чикагской школой через вас — как вы в свое время узнали о них через лекции Покровского. И для меня чикагцы — это в первую очередь исследование города. Как вам кажется, можно ли сказать, что их фокус на городской жизни в какой-то степени определил и их стилистику, и их подход к исследованиям?

ВН: Да, это характерная особенность Чикагской школы социологии — фокусировка на городе как площадке для исследований. Роберт Парк, который об этом постоянно думал, время от времени в тех или иных текстах многие вещи достаточно ясно проговаривал. В частности, «Город как социальная лаборатория». За этой простой формулировкой стоит объемный смысл. Он заключается в следующем: в каждой эмпирической науке, науке о реальности, о действительности должна быть своя лаборатория. Нужно идти от реальности, ее познавать, ее обобщать, делать ее более ясной, не навязывая ей никакие теоретические конструкции, созданные заранее в кабинете. Навязывание, в терминах Роберта Парка, — это «схластика», «диалектика». Эмпирические исследования должны проводиться с четкой целью, с ясным пониманием того, что надо узнать и зачем. Коль скоро речь идет об исследовании жизни в особом ее аспекте — это должно быть натуралистическое исследование, с погруженностью в поле.

В этом смысле город как социологическая лаборатория — это место, в котором социолог контактирует с той реальностью, которая подлежит познанию. Можно сказать: а почему не сельская местность, не туземные деревни? Например, зять Роберта Парка — Роберт Редфилд — был антропологом, который в чикагской традиции проводил исследования не только в городах Мексики, Гватемалы, но и в индейских деревнях [Redfield, 1930; 1941]. Более того, сам Парк был заядлым путешественником, который буквально собирал разные социальные опыты в разных районах Соединенных Штатов — и в городах, и в сельских местностях.

Оказываясь за рубежом, он всегда с интересом вни-

кал в окружающую реальность: смотрел на города не просто как турист, а пытался прочувствовать суть их жизни, вглядывался в их своеобразие. Некоторое время он даже преподавал в Пекине — и там гулял по Пекину [Ren, 2019].

Но для чикагских социологов подлежащей изучению реальностью был мир, который в большей или меньшей степени неизбежно вовлекался в орбиту урбанизации, города и тех форм жизни, которые складываются в городе и через город.

Город, который интересовал Парка, — это стратегическая площадка. Это желательное авангардное город, находящийся на фронтире, на переднем рубеже, протаптывающий дорогу в эмерджентное ближайшее будущее. И таков Чикаго — типичный передовой американский город, находящийся на самых передовых рубежах развития. Предполагалось, что в эволюционистском ключе формы, выплавляющиеся буквально на глазах и складывающиеся здесь и сейчас в крупном городе, формы, которые выживают и становятся доминирующими, — это те формы, в которые неизбежно будет облечена социальная жизнь везде. Есть, конечно, критики концепции модернизации, но у чикагцев такая оптика была вмонтирована в природу того, что они исследуют. Поэтому Чикаго и был подходящей площадкой для проведения исследований. Кажется, Эверетт Хьюз вспоминал высказывание Парка: «Зачем нам идти на Северный полюс или забираться на Эверест в поисках приключений, если у нас есть Чикаго?».

Город, в котором располагался университет, был как раз максимально подходящим местом, площадкой, лабораторией, где осуществляются натурные исследования социального процесса. В этом смысле любые социологические исследования становятся для чикагцев прежде всего городскими исследованиями, но не в узком, а в более широком смысле. Современный мир становится во все большей и большей степени городским: исследуя город, мы исследуем социальность в наиболее актуальных, текущих, складывающихся, эмерджентных ее формах. Прагматистская социология исследует социальный мир как он есть «сейчас» и как он нащупывает свои пути в ближайшее будущее, в котором людям предстоит жить и решать проблемы.

НВ: Получается, для чикагцев Чикаго — это такой модернизационный современный центр, но при этом в Чикаго они часто идут в самые маргинальные места и самые маргинальные районы. Как это сочетается в их оптике?

ВН: Это было вписано в реформистскую эпоху. Был интерес к тем сторонам социальной жизни, которые вызывают максимальное беспокойство у людей, которые мешают вести нормальную, хорошую, благополучную социальную жизнь. Такова была идеология Чикагского университета как исследовательского университета, который исследует «здесь и сейчас» для решения текущих проблем. Поэтому сосредоточились, конечно, на наиболее проблемных сторонах социальной жизни и районах. Конеч-

но, трущобы интересовали больше, потому что они были гнездами социальных проблем и конфликтов. Это бедные районы, этнические, расовые районы. Или так называемые *interstitial* (промежуточные) ареалы вдоль железных дорог и складов, пустыри. Был интерес к рабочим движениям, рабочим районам, забастовкам. Фокусированно изучались организованная преступность, шайки (в том числе криминальные), проституция, публичные дома.

Реклесс в исследовании «Порок в Чикаго» [Reckless, 1933] выявляет, что публичные дома – не единственный тип проституции, но наиболее массовый. Публичные дома «прятались» в трущобных районах, потому что там были защищены от надзора и контроля.

Проблема мигрантов также волновала чикагцев. Чикаго очень быстро наполнялся все новыми и новыми волнами миграции еще с XIX века. Значительная часть населения Чикаго – это были «пришлые люди» из разных районов земного шара, очень разные, часто неустроенные, которые сами испытывали проблемы и создавали проблемы для других, мигранты первого, второго, третьего поколений. Интерес к ним возник в Чикаго в конце XIX века, еще до Чикагской школы, например, у исследовательниц из Халл-Хауса [Hull-House maps and papers, 1885]. Чикагская школа отчасти заимствует уже сложившиеся в социальных исследованиях конца XIX – начала XX века типичные и наиболее значимые исследовательские интересы.

НВ: Если мы возвращаемся к метафоре Парка про город как лабораторию, можно ли считать, что вот эти проблемные районы являются в какой-то степени экспериментальной площадкой с точки зрения городской жизни, где современная городская жизнь ставится под вопрос – насколько там возможен порядок?

ВН: В 1910-х годах Парк был вовлечен в большую программу исследований американизации вместе с Уильямом Томасом, его ближайшим другом и соратником, и другими исследователями [Wald, 2002]. И в ранних документах, касающихся этих исследований, Парк проговаривает свою позицию: социальная жизнь сама по себе экспериментальна. Люди невольно, хотя и того или нет, вызывают изменения в тех условиях, в которых развертывается их деятельность. И город – это, конечно, доведенная до максимума экспериментальная площадка, где люди в максимально интенсивной степени постоянно меняют условия своего бытия – эмерджентно, непредсказуемым для них образом – и постоянно вынуждены приспособливаться и переприспособливаться.

И конечно, если брать мигрантов, меньшинства, которые присутствовали тогда в Чикаго, то люди, приехавшие в среду, в которой они никогда не жили и в которой они должны найти себе место, постоянно искали новые решения. Эти группы специфически экспериментально встраивались в нормальную, добропорядочную американскую жизнь. Но это ка-

салось не только мигрантов. В текущую реальность входят не только мигранты. Извне, из прошлого туда входят и те люди, которые изначально там были. Люди постоянно оказываются в мире, в большей или меньшей степени таком, в каком они до этого еще не жили. Так, например, Харви Зорбо описывает «Золотой берег» [Зорбо, 2015]. Это верхние слои, но они тоже живут в реальности, которая для них новая, которая постоянно подвергается эрозии, которая ничем не гарантирована. Это очень тревожная реальность, создающая постоянное беспокойство для тех, кто в нее вовлечен.

НВ: Да, и мне кажется, что именно в Чикаго у криминологов возникла концепция беловоротничковой преступности.

ВН: Концепция беловоротничковой преступности возникла, конечно, из чикагской традиции исследований преступности. Чикагский университет 1920-х годов – это междисциплинарная площадка. Политологи очень тесно были связаны с Чикагской школой социологии и личными связями, и вовлеченностью в общие темы, общие проекты. Чарльз Мерриам, например, относился к американской политической науке, но при этом играл важную роль в планировании городских исследований [Мерриам, 2023]. Политолог Гарольд Лассуэлл тоже учился у Роберта Парка. С последним Парк был в дружеских отношениях. И у криминолога Эдвина Сатерленда также были свои связи с Чикагским университетом и Чикагской школой социологии.

Если брать Чикагскую школу социологии, вначале интерес был прежде всего к тяжелым видам преступности. Исследования были сосредоточены на нижних слоях общества, где применялась грубая физическая сила, бытовали насильственные преступления: убийства, грабежи, изнасилования. Поэтому шайки, организованная преступность, преступность прежде всего в силовом ее варианте привлекали больше интереса. Интерес к более утонченной, так сказать, беловоротничковой преступности возник позже, в 1940-е он постепенно сформировался [Sutherland, 1983]. Появилось осознание того, что нельзя просто взять и приписать преступность нижним социальным слоям. Хотя статистически это легко было подтвердить, когда речь шла о насильственных преступлениях. Как Мертон хорошо говорил, в верхних социальных слоях вообще теряется определенность в ответе на вопрос, где кончается смелость или дерзость и начинается преступление [Мертон, 2006]. Этот интерес возник позже, чем чикагские социологические исследования 1920-х годов. В строгом смысле Чикагская школа в начале 1930-х годов прекратила свое существование.

НВ: То есть вы считаете, что Чикагскую школу можно связывать только с исследованиями до 1930-х годов? Все, что там дальше говорится про вторую Чикагскую школу, третью Чикагскую школу, нерелевантно?

ВН: Тут важно не запутаться в словах. Поколение чикагцев, выросшее под крылом лидеров классиче-

ской Чикагской школы – Роберта Парка, Эрнеста Берджесса, Элсуорта Фэриса, которого не всегда помнят, – было такое же яркое, это такая же чикагская социология, она прямо наследовала той социологии, которую мы связываем с Чикагской школой, выстроенной вокруг Парка [Ефременко и Николаев, 2024].

Но там уже другая социология, там уже нет единства. Там пошли вариации и внутренние дифференциации. И как жизнь, она приспосабливается к меняющимся социальным условиям, то есть к новым проблемам, новым исследовательским интересам, новым условиям существования социологии как познавательного предприятия, экспериментально принимает разные формы, опираясь на те или иные сильные стороны исходной чикагской социологии. Есть смысл отграничить Чикагскую школу социологии, которая была напрямую выстроена вокруг Парка и привязана к работе Парка в Чикагском университете, от последующих чикагских социологий и чикагской социологической традиции в целом. Если мы просто оставим имя Чикагской школы социологии за всей этой традицией, рано или поздно мы ее просто размоем и слов не подберем для ее идентичности.

НВ: Жизнь развивается, люди меняются, школы тоже меняются, но что, с вашей точки зрения, сохранилось или сохраняется в этой длинной чикагской традиции, которая идет дальше за 1930-е годы?

ВН: Есть большая река, которая распадается на разные рукава, и каждый из них на каких-то основаниях существует. Много было последствий внутри социологии, прямо восходящих к Чикагской школе этого периода, к Роберту Парку. Одна сильная вещь – это качественные исследования, которые выросли и выкристаллизовались из прагматической традиции в социологии. Мы не должны исключать и другие центры, где аналогичные начинания были, но Чикагский университет все-таки был исторически наиболее значимым, наиболее резонансным, наиболее масштабным.

Но не только качественные. Были еще и количественные исследования, в том числе не связанные с понимающей традицией в социологии. Это экологическая проблематика, *human ecology* (человеческая экология) как особая перспектива, вмонтированная в структуру социологии. Но и там было множество разных «экологий», они тоже вариативны. Как у Дарвина виды в разных местах к разным условиям приспосабливаются, обретают новые формы, борются за выживание, какие-то продолжают существование, какие-то прекращают, какие-то могут меняться, мутировать, таковы и многочисленные мутации человеческой экологии. Они имели достаточно длительные и серьезные последствия в некоторых областях исследования, которые без этих последствий представить уже нельзя. Например, в социологии организаций. Экологический подход в иссле-

дованиях организации, организационная экология – это работающая оптика.

Социальная экология очень своеобразна в поздних своих изводах. Наиболее поздняя успешная версия – это человеческая экология Эмоса Хоули [Hawley, 1950; 1986]. Это одна из парадигм исследования социальной реальности, которая лишена тех специфических черт, которые связаны с качественными исследованиями, с их интересом к субъективности, ментальности людей, представлениям. Здесь, наоборот, конкретные люди с их биографиями не важны, потому что не они подлинны участники социального процесса. Участники процесса – социальные организации. Но социальные организации не в каком-то субстанциальном смысле, а именно как формы, которые борются за выживание.

Мне легче пример привести из организационной экологии. К примеру, исследования московских стоматологических клиник на предмет того, каковы условия их выживания. Какие-то формы организации стоматологических клиник борются с другими формами за количество зубов, которые подлежат лечению. Количество зубов, подлежащих лечению, не беспредельно. Какие-то наиболее успешны, они преуспевают, сохраняются, выживают, иногда расширяются, вытесняют других, тяготея всегда к монополии и к полному захвату рынка; другие, менее успешные, движутся по пути увядания и банкротства¹.

Это экологическая оптика, которая впервые была в социологию вмонтирована именно чикагцами. *Human ecology* существует в очень разных формах, не только как экология, привязанная просто к проблемам территории, популяции, размещения на территории, пространственным аспектам социальных процессов, зонированию города. Это экология любых единиц в тех средах, с которыми они соприкасаются напрямую, которые влияют на их выживаемость и к которым они должны каким-то образом приспособиться, из которых они должны черпать ресурсы, но не природные, а другие: сотрудников, клиентов, желательную публику, лояльность окружающего сообщества, согласие, приемлемость, одобрение, ценность, деньги, интерес, внимание человеческое, человеческое время. Это тоже форма экологического взгляда на вещи.

Любые феномены можно так исследовать, можно и науку так рассматривать. Наука существует в среде: разные научные коллективы, формы научного знания конкурируют за выживание, борются за клиентов, за студентов, за приверженцев, за деньги, за широкий резонанс. Поиск сторонников происходит так, что их отнимают у других. Причем не со злонамеренностью; это конкуренция, борьба за существование, борьба за выживание, перераспределение ресурсов в свою пользу. Есть еще дру-

1. Пример взят из кандидатской диссертации В. Н. Ермолаева [Ермолаев, 2004].

гие области, которые я меньше знаю, где это могло каким-то образом также укорениться.

НВ: Вы сказали, что есть характерная черта прагматизма – экспериментальность. С другой стороны, характерной чертой прагматизма является качественный подход. Можно ли сказать, что с этой точки зрения именно в прагматистской логике качественные методы являются экспериментальными?

ВН: И качественные методы экспериментальные, и количественные. У социологов 1920-х годов, принадлежащих к Чикагской школе, использовались и те и другие методы. Просто там, где мы, например, связываем чикагскую традицию с качественными исследованиями, с символическим интеракционизмом, у нас может возникнуть ложное впечатление, что это такая понимающая социология. Она понимающая только в одном из своих чрезвычайно важных, но не единственных аспектов.

Человеческая экология – это такой натуралистический, объективистский, сциентистский взгляд на вещи. В ней вообще не важно, что люди думают по поводу того, что с ними происходит. С ними происходит то, что должно происходить, в соответствии с определенными закономерностями. Люди могут как угодно это переживать, чувствовать, могут как угодно к этому относиться. Они даже могут пытаться с этим бороться, и у них ничего не получится. То, что они по этому поводу думают и чувствуют, абсолютно неинтересно. Это поле исследования человеческой экологии.

Прелесть чикагской социологической традиции не в том, что она качественная; прагматисты в такой же степени могут быть и количественниками. Известно, что Роберт Парк пришел в социологию из расследовательской журналистики и популяризовал образ социолога как суперрепортера [Парк, 2011а]. Тем не менее Парк считал количественные данные тоже очень важными и требовал от студентов, чтобы они находили подтверждающую статистику. Он в этом плане оказал очень большое стимулирующее воздействие. Так, например, появилась шкала Богардуса – шкала для исследования установок, чисто количественная. Именно Роберт Парк его вдохновил; в рамках проекта исследования расовых отношений на Тихоокеанском побережье он попросил Богардуса разработать этот инструмент [Bogardus, 1933].

У чикагцев широко практиковалась работа со статистикой. Берджесс был ее энтузиастом. Уильям Огборн работал на факультете, это такой агрессивный застрельщик количественных методов в социологическом познании и в социологическом объяснении. У Парка тоже был интерес к статистике, иногда был даже излишне представлен этот количественный статистический энтузиазм, и порой это вводит читателей в заблуждение. Прочитают статью «Социология, сообщество и общество» [Парк, 2011б], проигнорируют последние параграфы, не дочитают до конца и думают: «Он же чистый количественник на самом деле». Там пространствен-

ность, геометрия, территория, статистика, цены на землю. Некоторые так и прочитывают Парка, очень выборочно.

Прагматизм не завязан слишком жестко на качественные исследования и только смысловую проблематику. Для прагматизма вообще не важно, какие методы. Для прагматизма важно ухватить реальность, а инструменты становятся значимыми в зависимости от того, позволят ли они найти те данные, которые необходимо найти, для того чтобы ответить на вопросы, на которые необходимо ответить. Количественные методы тоже развивались. Они были все экспериментальны, потому что никаких готовых форм, канонов не было. Эти каноны находились в состоянии выработки и постоянной переплавки. Методы подбирались вручную, каждый раз исходя из исследовательских задач и реальных возможностей исследователей в конкретных обстоятельствах.

В этом отношении в чикагской традиции развивались разные виды количественных исследований. Экспериментировали в области человеческой экологии, где пытались просто находить количественные связи между разными элементами городской реальности. Например, связь цен на недвижимость с пространственным местоположением относительно транспортной сети. Или количественные исследования коммуникаций у Берджесса. В его классической работе «Рост города. Введение в исследовательский проект» [Берджесс, 2015] приводятся яркие варианты использования статистических данных: статистика роста количества телефонных разговоров в Чикаго во времени, статистика, касающаяся пользования автомобилями. Если упомянуть поздние исследования по социологии семьи, по социологии преступности, то они были пропитаны экспериментальными инструментами для проверки тех или иных значимых связей. Например, факторы успешности условно-досрочного освобождения и факторы, которые приводят к его неудаче.

Если говорить о Филипе Хаузере, также в значительной степени американская демография выросла из Чикагской школы социологии [Hauer, 1969]. Популяционные исследования выделились из человеческой экологии, которая концентрировалась на связи популяций с территориями. Это направление исследований в Чикаго не у всех на виду, его меньше знают. Огборн с его знаменитой теорией культурного отставания, или лага [Ogburn, 1957], – такой же полноценный сотрудник факультета социологии Чикагского университета, как и Парк или Вирт. Огборн вообще недолюбливал качественные исследования.

НВ: Чикагцы славились картографией города. Можно ли считать их замечательные карты тоже частью их прагматической традиции? Или это была такая техническая вещь для фиксации опыта? Потому что, в принципе, в социологии использование карт не так часто встречается. По-моему, только

Хальвбакс после них использовал карты и больше никто [Halbwachs, 1932].

ВН: Да, конечно. Но, по сути, это визуализация статистики. Это наиболее видимая, зримая сторона использования количественных методов. Там такие легенды ходили, что нельзя было докторскую диссертацию без карт защитить. Была ведь еще такая достаточно общая стратегия: если что-то исследовать, то сначала этот феномен нужно найти и локализовать. Поэтому сначала стратегически выгодно в каждом случае, когда это возможно, собрать значимую статистику и найти те места, где интересующий нас феномен представлен наиболее зримо, интенсивно и масштабно.

Например, самоубийство. Прежде чем исследовать самоубийство социологически, нужно найти районы, где эти самоубийства совершаются чаще всего, как в исследованиях Рут Кэван [Cavan, 1928]. Сначала берется статистика самоубийств за последнее время. Далее она накладывается на карту, находятся районы, где этот феномен в продвинутой форме представлен. И исследователь уже отправляется туда и начинает исследовать на месте, искать своеобразие этого района, те факторы, которые там специфически присутствуют, в отличие от других.

Или, например, когда Трэшер исследовал подростковые и молодежные шайки, то в некоторых районах Чикаго это было бесполезно — их там просто не было. Нужно было искать эти шайки там, где этот феномен есть; это скорее неблагоприятные районы, трущобы, смыкающиеся с разными пустырями. У Трэшера как документальный материал, как данные были использованы, помимо прочего, фотографии банд в их естественных условиях обитания. Несколько фотографий в его книжке есть, которые он сам сделал [Thrasher, 1926; Трэшер, 2015].

НВ: Получается, что чикагцы экспериментируют не только с социологическими методами, но и с разными способами фиксации этой реальности: визуализация статистики, фотографии.

ВН: Да, потому что для них вся область методов, процедур, техник в современном смысле и вся область теории, если мы говорим в таком узком смысле, как теоретические схемы, модели, понятийный аппарат, никакой самостоятельной ценности не имели. Эти инструменты оцениваются на предмет того, помогают они решить задачу, достичь поставленной цели или нет. Если они плохо помогают, их можно модернизировать, подточить, подогнать под текущие обстоятельства и потом применять на практике.

Применялись методы по-разному, но это все плохо задокументировано. Хотя даже по исследовательским монографиям можно понять, что материалы собирались по-разному, с разными модификациями. Понятно было, что Пол Кресси, изучая таксидэнс-холл [Cressey, 1932], не мог прямо в танцевальном зале делать записи. Но у него память была хорошая, и у него были стенографистки, которым он, покинув танцевальный зал, быстро дикто-

вал по памяти то, что ему там люди наговорили, пока он в танцевальном зале был и беседовал.

То, что мы называем интервью, часто не стенографировалось и никак не записывалось, не было способов дословной записи — скорее, делались записи по памяти. Многие материалы, в которых личные рассказы присутствуют, были написаны информантами специально, по просьбе исследователя. Например, у Харви Зорбо личные истории людей, которые о себе рассказывают, часто такие. Может быть, людей за определенную плату просили написать рассказ о себе. Или взять те же истории приютской девушки или молодого человека из описания мира меблированных комнат. Видно, что эти «интервью» были художественно обработаны. Это, конечно, качественные документы, но как записи велись? Как фиксация велась? Скорее всего, по памяти. Может быть, где-то и стенографию применяли. Чикагцы никогда не фиксировали эти детали, добывали материалы теми методами, которыми удавалось добыть.

Некоторые материалы добывались специфически. Например, Джон Ландеско получал то, что мы бы назвали интервью, от участников организованного преступного мира. Скорее всего, в этом ему помогли связи из трущобного детства. Но также ему были доступны и полицейские архивы; у него был доступ к полицейским архивам, для того чтобы написать фамилии, имена для справочника «Who's who...» [Landesko, 1929]. То есть все использовалось в контексте текущих наличных возможностей и постоянно подстраивалось под них.

Поэтому специальную методологию чикагцы долгое время вообще никак не фиксировали. Но они были чувствительны к вопросам методологического характера, к разработке процедур и способов получения необходимых данных. При всем при том они никогда не превращали это в единый свод скрывающих правил, готовых уже до исследования, до поля и задающих рамки. Это противоречило бы самому духу прагматизма: исследователь должен подходить к полю как чистый лист, своего рода *tabula rasa*. Это преувеличение, но оно фиксирует необходимую составляющую прагматистского взгляда на исследовательский процесс.

Мы не вправе привносить в изучаемую эмпирическую реальность никакие предубеждения, заранее составленные схемы, заблаговременно составленные картины реальности. Эмпирическая реальность — это то, что должно нами руководить. Она хозяйин. Ученый, так сказать, раб у той реальности, которую он пытается исследовать, он должен идти у нее на поводу. Поэтому методология и теория в жестких мертвых формах не фиксировалась, это, скорее, может отвлечь внимание от того, что нужно исследовать. У Герберта Блумера этот принцип уважения к природе эмпирической реальности присутствует как организующий принцип социологии. Блумер прямо его проговаривает и в отношении теории, и в отношении методов — мы должны

выстраивать свою теорию, исходя из уважения к природе изучаемой нами реальности [Блумер, 2010].

НВ: Можно ли сказать, что для чикагцев и для прагматистов в широком смысле важнее не то, как мы добыли материал, а то, как мы его организовали и как мы его представляем. То есть, условно говоря, организация репрезентации этого материала важнее, чем способы его добычи.

ВН: Конечно, нужно презентовать ясную картину. Все, что добывается, — добывается для ответа на познавательные вопросы, которые были поставлены вначале. Социологи Чикагской школы — это зрелые люди, знающие, зачем им это нужно.

Им всегда нужно было узнать то, что было недостаточно известно. Предполагаемым результатом была более ясная картина некоторой стороны реальности, попавшей в фокус внимания. И этой ясности нужно было достичь. Конечно, текстуальные формы организации результатов исследований были чрезвычайно важны. Они пытались строить тексты так, чтобы они давали достаточно ясную и убедительную картину. Чикагские социологические тексты отличаются от многих других, сделанных в других традициях, их драматизм. Кули, как прагматист, говорил, что в социологии обязательно должно присутствовать драматическое измерение, потому что в человеческой жизни присутствуют эмоции. Просто потому, что это измерение — неотъемлемая часть того, что социологи изучают в человеческой жизни как таковой.

До драматургической социологии Эрвинга Гоффмана другие социологи не столь ясно это проговаривали. Но исследования чикагцев — это социологические произведения, которые очень часто можно читать как художественные, почти как драмы: «Золотой берег и трущобы» Зорбо, или «Хобо» Андерсона [Anderson, 1923], или «Таксидэкс-холл» Кресси. Или из поздних работ Уильяма Айзека Томаса «Неприспособленная девушка» — очень драматичная местами книга [Thomas, 1923].

НВ: Можно еще такой вопрос. Я помню вашу критику в адрес современной социологии и особенно акторно-сетевой теории, что она забывает все, что сделал прагматизм. Но, к примеру, Джон Урри опирается на концепцию роли, которую он берет у чикагцев [Urry, 1970], Джон Ло говорит про интерпретативную социологию, и он тоже опирается на чикагцев [Law, 1974]. Слушая сейчас вас, я подумала, что, может быть, их методы — это тоже разговор про способ организации, но уже не социальных отношений, как повседневных, как рутинных, а организация знания. Можно ли говорить о таких связках?

ВН: Если социологии фундированы в прагматизме и всерьез принимают те исходные посылки, которые из прагматизма вытекают, конечно, в таких социологиях будут родовые сходства при всех их возможных различиях: при разнице содержательных интересов и используемых методов. Эти семей-

ные сходства не описываются просто в теоретических категориях, понятиями, специфическим языком. Дело вообще не в понятиях, а в манере использования тех же понятий или методов. То есть социологии с семейными сходствами совпадают друг с другом не словами или терминами, они находятся в одном поле и схожим образом пытаются делать то, что делают, каждая в своих обстоятельствах.

У чикагцев была пестрота, которая некоторых обескураживала. Ставился даже вопрос: «А была ли вообще Чикагская школа?» Можно ли сказать, что ее не было? Они же все разные? Но для прагматистов характерно определенное разнообразие. И, задавая себе вопрос: «Если мы хотим в этой традиции что-то сделать, должны ли мы сделать что-то похожее на то, что нам очень понравилось?» — мы не можем заимствовать формулу, не можем просто ее взять и воспроизвести. Если мы делаем еще один экземпляр того, что уже было, то получаем пародирование.

Погружения в эту традицию — это не попытка воспроизвести понятийный аппарат, реконструировать его, кристаллизовать, сделать более ясным. Это не попытка достроить за Роберта Парка то, что он не достроил. Это не способ существования вообще в этой традиции. В этом никакого смысла нет. Ты живешь в текущих обстоятельствах, здесь есть проблемы, здесь есть вопросы, здесь есть неясности. Иди и делай. Ищи ответы на свои вопросы, подбирай методы из всего возможного спектра, которые тебе позволят эту задачу решить. И применяй эти методы, пользуйся обстоятельствами там, где эти методы можно как-то усовершенствовать и усилить, то есть добыть больше, чем стандартно с их помощью добывается. Или трансформируй их и гни их там, где они в слишком стандартной форме не работают.

Я подозреваю, что так или иначе серьезные исследователи неизбежно это делают. Только они не всегда в этом признаются, когда потом докладывают о результатах своих исследований.

НВ: А как вам кажется, есть ли в российском и постсоветском пространстве какие-то исследования, которые бы вы рассматривали именно как созвучные чикагским?

ВН: Я никогда систематически не пытался собрать единую картину, но, например, в той же социологии организаций есть популяционно-экологический подход Вячеслава Щербинина. Он родствен чикагской традиции и для исследований организаций значим. В социологии семьи и в демографии много пересечений с чикагской традицией, особенно тексты Анатолия Вишневского можно сравнить с аналогичными чикагскими текстами — и там обнаружатся родственные вещи [Вишневский, 2012]. В криминологии это скорее не в исследованиях, а в рамочных концептуализациях, в организации познавательных подходов. Это просто самостоятельно существующие, не интегрирующиеся вещи, что нормально в текущих условиях.

НВ: Есть этнографические исследования, антропологические исследования, российские в том числе, то, что публикуется тем же самым фондом «Хамовники». Можно ли их относить к такой традиции или это все-таки какая-то другая история?

ВН: Они в некоторой степени близки. Базовый принцип Симона Кордонского, например, по крайней мере в первом приближении, совпадает с прагматистским. Но Кордонский всегда слово «социология» употребляет в ругательном смысле. Под социологией он подразумевает как раз неуместные поползновения навязать исследуемому полю заранее готовые формы. Он категорически против этого, и в этом плане он действительно похож на прагматистов. Но если спросить об отличиях в смысле рамочной проработки, то Чикагская школа была гораздо более проработанная. В муниципальных исследованиях вокруг фонда «Хамовники» такой общей схемы, общей рамки, системы координат нет.

НВ: Почему я вспомнила фонд «Хамовники»? Потому что у них есть попытка посмотреть на ту реальность, в которой мы существуем, не исходя из терминов, которые мы заимствуем из европейской социологии. Европейские оптики и понятия, которые, если мы их аккуратно начинаем приземлять на нашу реальность, начинают очень сильно трансформироваться. Есть ли такая проблема перевода понятий? Вопрос к вам как переводчику: у меня есть постоянное ощущение, что есть проблема с концептами, которые мы используем. Когда мы их начинаем использовать в рамках других отношений, они трещат по швам, их надо пересобирать, чтобы хоть как-то схватить то, что мы пытаемся описывать здесь и сейчас.

ВН: С понятиями, концептами, с терминологией, конечно, есть проблемы, когда они импортные, когда они доходят в кальках и в абстрактных формах и с той реальностью, в которой они сделаны, не видятся вместе. Тогда это готовые формы, языковые шаблоны, иногда довольно мертвые. Как любые завезенные формы, они сами по себе не работают – либо они работают формалистически, и ситуация заимствованности форм сильно срачивается с академической бюрократизацией.

И это на пользу не идет: когда мы начинаем приносить искусственную терминологию, по сути мы уходим от тех задач, которые мы как исследователи должны решать. Вместо того чтобы исследовать ту реальность, в которой мы живем, пытаемся искусственно сконструировать, сфабриковать несуществующий фиктивный дубликат. И мало того, что неадекватно описываем реальность, но еще пытаемся ее насильно привести к тем формам, которые теория хорошо и эстетично бы описывала. Нельзя просто брать понятия, выросшие в другой среде, исходящие из других проблем, из других жизненных обстоятельств, конкретных, исторических, и просто переносить сюда.

Правильнее действовать как чикагцы: подбирать те понятия, которые позволяют решать проблемы.

Этим же самым теоретическим материалом мы можем пользоваться как прагматисты. Если мы имеем этот набор инструментов и внимательно отнеслись к тому, где взяли эти инструменты, какие результаты и как они приносили, если мы связываем инструменты с получаемыми результатами, если мы гибко и творчески мыслим, то мы можем делать то, что мы должны делать, пользуясь теми средствами, которые уже проработаны. Пользуясь ими, разумеется, творчески и никогда не забывая о том, что средства не должны крутить исследованием, как хвост собакой. Понятия, методы – это «хвост» на службе у познания реальности.

Мы должны быть, как и чикагские социологи, взрослыми состоявшимися личностями, которые работают с имеющимися инструментами и пытаются решить с их помощью локальные проблемы и ответить на локальные вопросы. Есть условие познания у чикагцев: ты должен в этой области присутствовать, ты должен чувствовать себя там как рыба в воде. Человек делает хорошее исследование, потому что действительно понимает, как все устроено: он может и со стороны посмотреть, и при этом внутри находиться. И постепенно он вырабатывает средства документировать то, что он видит благодаря опыту участия и дистанцированности.

Так, для Ансельма Стросса социология умирания – это не абстрактная вещь: он пошел умирающих людей изучать, когда у него самого была тяжелая хроническая болезнь. Он знал, что это такое [Glaser & Strauss, 1965]. Или Андерсон, если брать чикагскую социологическую традицию 1920-х годов. Он чуть ли не 10 лет работал, сам был хобо, сам был мигрирующим рабочим. Он знал, что такое быть хобо [Anderson, 1923]. И потом он отправился уже дистанцированно с другими людьми разговаривать, совместив опыт инсайдера и аутсайдера. Луис Вирт никогда бы не написал такую пронизательную и глубокую работу о гетто, если бы сам не знал эту среду по собственному мигрантскому опыту: он подростком переехал из Европы к своему дяде в Америку [Вирт, 2015]. То есть чикагцы имели соответствующий опыт – и исследовали то, что они знали. Конечно, необязательно быть участником организованного преступного сообщества, чтобы его изучать. Но если человек, сын румынских иммигрантов, провел детство в трущобах, если друзья его детства, как в сериале «Бригада», состоят в бандах, если с ними есть доверительные отношения, то они могут знаниями поделиться. Отсутствие жизненного опыта, даже времени, которое бы позволило погрузиться в поле, конечно, очень сильно влияет на качество исследований. Одноразовые экономичные заходы без глубокого знакомства – это, конечно, то, что очень сильно отличается от чикагской традиции.

Беседовала Наталия Волкова, редактора – Марат Невлютов, Нина Любинарская, Наталия Волкова.

Источники

- Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: КАН-ИОН-Пресс-Ц, Кучково поле.
- Баньковская, С.П. (1991). *Инвайронментальная социология*. Рига: Зинатне.
- Берджесс, Э.У. (2015). Рост города: введение в исследовательский проект. В Д.В. Ефременко (ред.), *Чикагская социология: сборник переводов* (с. 20–34). ИНИОН РАН.
- Блумер, Г. (2010). Наука без понятий. В Д.В. Ефременко (ред.), *Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века* (с. 299–317). Москва: ИНИОН РАН.
- Вирт, Л. (2015). Гетто. В Д.В. Ефременко (отв. ред.), *Чикагская социология: Сборник переводов* (С. 107–165). Москва: ИНИОН РАН.
- Вишневский, А.Г. (2012). Россия: демографические итоги двух десятилетий. *Мир России. Социология. Этнология*, 21(3), 3–40.
- Ермолаев, В.Н. (2004). *Организационное развитие малых коммерческих организаций: на примере стоматологических клиник Москвы* [Диссертация ... кандидата социологических наук, Московский государственный университет сер-виса].
- Ефременко, Д.В., и Николаев, В.Г. (2024). *Мыслители города ветров: Прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века*. Москва: ИНИОН РАН.
- Зорбо, Х.У. (2015). Золотой берег и трущобы. В Д.В. Ефременко (отв. ред.), *Чикагская социология: Сборник переводов* (с. 166–227). Москва: ИНИОН РАН.
- Мерриам, Ч. (2023). Современное состояние изучения политики; Урбанизм. В Д.В. Ефременко (ред.), *Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы): сб. пер.* (с. 54–76). Москва: ИНИОН РАН.
- Мертон, Р. (2006). Социальная структура и аномия. В Р. Мертон, *Социальная теория и социальная структура* (с. 243–281). Москва: АСТ.
- Николаев, В.Г. (1998). Человек «на границе»: проблема маргинальности в зеркале социологической классики. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, (2), 156–197.
- Николаев, В.Г. (2000). *Советская очередь как среда обитания: Социологический анализ*. Москва: ИНИОН РАН.
- Парк, Р. (2011a). Новость как форма знания. В Р. Парк, *Избранные очерки: сборник переводов* (с. 257–275). Москва: ИНИОН.
- Парк, Р. (2011b). Социология, сообщество и общество. В Р. Парк, *Избранные очерки: сборник переводов* (с. 80–114). Москва: ИНИОН.
- Парк, Р.Э. (1997). Эссе. Социальные и гуманитарные науки. *Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, (4), 162–165.
- Рабочие тетради по истории и теории социологии*. (1992). Выпуск 1. Рига: Социологический факультет, Московский университет им. М.В. Ломоносова.
- Томас, У., и Знанецкий, Ф. (1998). Польский крестьянин в Европе и Америке. В *Контексты современности: Хрестоматия* (с. 141–225). Казань: АБАК.
- Трэшер, Ф.М. (2015). Шайки. В Д.В. Ефременко (отв. ред.), *Чикагская социология: Сборник переводов* (с. 300–350). Москва: ИНИОН РАН.
- Addams, J. (1911). *Twenty years at Hull-House with autobiographical notes*. New York, NY: Macmillan Company.
- Anderson, N. (1923). *The hobo: The sociology of the homeless man*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bogardus, E.S. (1933). A social distance scale. *Sociology & Social Research*, 17, 265–271.
- Cavan, R.S. (1928). *Suicide*. Chicago: University of Chicago Press.
- Cressey, P. (1932). *The taxi-dance hall: A sociological study in commercialized recreation and city life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Glaser, B.G., & Strauss, A.L. (1965). *Awareness of dying*. Chicago: Aldine.
- Halbwachs, M. (1932). Chicago, expérience ethnique. *Annales d'histoire économique et sociales*, 4(13), 11–49.
- Hauser, P.M. (1969). The chaotic society: Product of the social morphological revolution. *American Sociological Review*, 34(1), 1–19.
- Hawley, A.H. (1950). *Human ecology: A theory of community structure*. New York: The Ronald Press Company.
- Hawley, A.H. (1986). *Human ecology: A theoretical essay*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hull-House maps and papers*. (1895). New York, NY: Thomas W. Crowell.
- Landesko, J. (1929). Who's who of organized crime in Chicago. In *Illinois crime survey* (pp. 1061–1087). Chicago: Illinois Association for criminal justice.
- Law, J. (1974). Theories and methods in the sociology of science: an interpretive approach. *Social Science Information*, 13(4–5), 163–172.
- Ogburn, W.F. (1957). Cultural lag as theory. *Sociology & Social Research*, 41, 167–174.
- Reckless, W. (1933). *Vice in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Redfield, R. (1930). *Tepoztlan, a Mexican village: A study of folk life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Redfield, R. (1941). *The folk culture of Yucatan*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ren, X. (2019). Robert Park in China: From the Chicago school to urban China studies. In *The City in China* (p. 1–16). Bristol University Press.
- Sutherland, E.H. (1983). *White collar crime: The uncut version*. New Haven.
- Thomas, W.I. (1923). *The unadjusted girl: With cases and standpoint for behavior analysis* (Criminal science monographs, No. 4). Boston: Little, Brown and Company.
- Thomas, W.I., & Znaniecki, F. (1927). *The Polish peasant in Europe and America*. New York, NY: Alfred A. Knopf.
- Thrasher, F.M. (1926). *The gang: A study of 1, 313 gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Urry, J. (1970). Role analysis and the sociological enterprise. *The Sociological Review*, 18(3), 351–363.
- Wald, P. (2002). Communicable Americanism: Contagion, geographic fictions, and the sociological legacy of Robert E. Park. *American Literary History*, 14(4), 653–685.

"THE LINK BETWEEN ABSTRACTION AND REALITY WAS IMPORTANT TO THE CHICAGO SCHOOL OF SOCIOLOGY": AN INTERVIEW WITH VLADIMIR NIKOLAEV

Vladimir G. Nikolaev, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of General Sociology, HSE University; Senior Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: vn1968@yandex.ru

Nataliya A. Volkova, Visiting Researcher, Narxoz University; Almaty, Kazakhstan.
E-mail: chestrek@gmail.com

This interview with Vladimir Nikolaev, a sociologist and translator of texts from the Chicago School of Sociology (CSS), focuses on the primary stages of its development and its reception within the post-Soviet discourse of the 1990s. The discussion centers on CSS's methodology, which is rooted in fieldwork and direct interaction with social reality. Nikolaev demonstrates the pragmatist origins of the tradition, in which theoretical constructs require empirical verification. The specific research approach of CSS is revealed through the prism of pragmatism: statistics and quantitative metrics are instrumental in nature and are not ends in themselves. These methods serve to identify and "stenographically" record observations for subsequent analysis. This pragmatic stance also determines translation strategies: since language sets the research optics, the translation must be congruent with the original and also with the reality in which it unfolds. The discussion leads to the question of the applicability of the CSS approach in other contexts, particularly the Russian one. CSS appears as an instrument of reform based on the study of specific cases: from dance halls and youth gangs to migration and suicide. Entering such complex fields requires the involvement of personal experience. In this paradigm, the inevitable subjectivity of the gaze does not lower the quality of the data but creates a space for experiment, turning the sociologist's biographical resource into an instrument of cognition.

Keywords: Chicago School of Sociology; pragmatism; Herbert Blumer; Robert Park; human ecology

Citation: Nikolaev, V., & Volkova, N. (2025). «The Link Between Abstraction and Reality Was Important to the Chicago School of Sociology»: An Interview with Vladimir Nikolaev. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 6–17. <https://doi.org/10.17323/usp10420256-17>

References

- Addams, J. (1911). *Twenty years at Hull-House with autobiographical notes*. New York, NY: Macmillan Company.
- Anderson, B. (2001). *Vobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moskva: KANON-Press-Ts, Kuchkovo pole.
- Anderson, N. (1923). *The hobo: The sociology of the homeless man*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Ban'kovskaia, S.P. (1991). *Invairomental'naia sotsiologiya* [Environmental sociology]. Riga: Zinatne.
- Blumer, H. (2010). Nauka bez poniatii [Science without concepts]. V D.V. Efremenko (red.), *Interaktsionizm v amerikanskoj sotsiologii i sotsial'noi psikhologii pervoi poloviny XX veka* [In D.V. Efremenko (Ed.), *Interactionism in American sociology and social psychology of the first half of the 20th century*] (s. 299–317). Moscow: INION RAN.
- Bogardus, E.S. (1933). A social distance scale. *Sociology & Social Research*, 17, 265–271.
- Burgess, E.W. (2015). Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skii proekt [The growth of the city: An introduction to a research project]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaya sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 20–34). Moscow: INION RAN.
- Cavan, R.S. (1928). *Suicide*. Chicago: University of Chicago Press.
- Cressey, P. (1932). *The taxi-dance hall: A sociological study in commercialized recreation and city life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Efremenko, D.V., & Nikolaev, V.G. (2024). *Mysliteli goroda vetrov: Pragmatistskaia sotsial'naia nauka v Chikago v pervoi polovine XX veka* [Thinkers of the windy city: Pragmatist social science in Chicago in the first half of the 20th century]. Moscow: INION RAN.

- Ermolaev, V.N. (2004). *Organizatsionnoe razvitie malykh kommercheskikh organizatsii: na primere stomatologicheskikh klinik Moskvy* [Organizational development of small commercial organizations: A case study of dental clinics in Moscow] [Candidate of Sociological Sciences dissertation, Moscow State University of Service].
- Glaser, B.G., & Strauss, A.L. (1965). *Awareness of dying*. Chicago: Aldine.
- Halbwachs, M. (1932). Chicago, expérience ethnique. *Annales d'histoire économique et sociale*, 4(13), 11–49.
- Hauser, P.M. (1969). The chaotic society: Product of the social morphological revolution. *American Sociological Review*, 34(1), 1–19.
- Hawley, A.H. (1950). *Human ecology: A theory of community structure*. New York: The Ronald Press Company.
- Hawley, A.H. (1986). *Human ecology: A theoretical essay*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hull-House maps and papers*. (1895). New York, NY: Thomas W. Crowell.
- Landesko, J. (1929). Who's who of organized crime in Chicago. In *Illinois crime survey* (pp. 1061–1087). Chicago: Illinois Association for criminal justice.
- Law, J. (1974). Theories and methods in the sociology of science: an interpretive approach. *Social Science Information*, 13(4–5), 163–172.
- Merriam, Ch. E. (2023). *Sovremennoe sostoianie izucheniia politiki; Urbanizm* [The present state of the study of politics; Urbanism]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaya shkola politicheskoi mysli (1920–1940-e gody): Sb. per.* [The Chicago school of political thought (1920s–1940s): A collection of translations] (pp. 54–76). INION RAN. Moscow: INION RAN.
- Merton, R. (2006). *Sotsial'naia struktura i anomii* [Social structure and anomie]. In *Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia struktura* [Social theory and social structure] (pp. 243–281). Moscow: AST.
- Nikolaev, V.G. (1998). *Chelovek «na granitse»: problema marginal'nosti v zerkale sotsiologicheskoi klassiki* [The person "on the border": The problem of marginality in the mirror of sociological classics]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seria 11: Sotsiologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and fo-

- reign literature. Series 11: Sociology], (2), 156-197.
- Nikolaev, V.G. (2000). *Sovetskaiia ochered' kak sreda obitaniia: Sotsiologicheskii analiz* [The Soviet queue as a habitat: A sociological analysis]. Moscow: INION RAN.
- Ogburn, W.F. (1957). Cultural lag as theory. *Sociology & Social Research*, 41, 167-174.
- Park, R.E. (2011a). Novost' kak forma znaniia [News as a form of knowledge]. In *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 257-275). Moskva: INION.
- Park, R.E. (2011). Sotsiologiya, soobshchestvo i obshchestvo [Sociology, community and society]. In *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 80-114). Moscow: INION.
- Park, R.E. (1997). Esse [Essay]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 11: Sotsiologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology], (4), 162-165.
- Rabochie tetradi po istorii i teorii sotsiologii. Vypusk 1* [Workbooks on the history and theory of sociology. Issue 1]. (1992). Riga: Sotsiologicheskii fakul'tet, Moskovskii universitet im. M.V. Lomonosova.
- Reckless, W. (1933). *Vice in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Redfield, R. (1930). *Tepoztlan, a Mexican village: A study of folk life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Redfield, R. (1941). *The folk culture of Yucatan*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ren, X. (2019). Robert Park in China: From the Chicago school to urban China studies. In *The City in China* (p. 1-16). Bristol: University Press.
- Sutherland, E.H. (1983). *White collar crime: The uncut version*. New Haven: University Press.
- Thomas, W.I. (1923). *The unadjusted girl: With cases and standpoint for behavior analysis* (Criminal science monographs, No. 4). Boston: Little, Brown and Company.
- Thomas, W.I., & Znaniecki, F. (1927). *The Polish peasant in Europe and America*. New York, NY: Alfred A. Knopf.
- Thrasher, F.M. (1926). *The gang: A study of 1, 313 gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Thrasher, F.M. (2015). Shaiki [The gang]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagaskaia sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 300-350). Moscow: INION RAN.
- Tomas, W.I. & Znaniecki, F. (1998). Pol'skii krest'ianin v Evrope i Amerike [The Polish peasant in Europe and America]. V *Konteksty sovremennosti: Khrestomatiia* [In Contexts of modernity: A reader] (pp. 141-225). Kazan': ABAK.
- Urry, J. (1970). Role analysis and the sociological enterprise. *The Sociological Review*, 18(3), 351-363.
- Vishnevskii, A.G. (2012). Rossiia: demograficheskie itogi dvukh desiatiletii [Russia: Demographic results of two decades]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 21(3), 3-40.
- Wald, P. (2002). Communicable Americanism: Contagion, geographic fictions, and the sociological legacy of Robert E. Park. *American Literary History*, 14(4), 653-685.
- Wirth, L. (2015). Getto [The ghetto]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagaskaia sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 107-165). Moskva: INION RAN.
- Zorbaugh, H.W. (2015). Zolotoi bereg i trushchoby [The Gold Coast and the slum]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagaskaia sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 166-227). Moscow: INION RAN.